

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-458-464

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

ЩЕДРИН Григорий Алексеевич,
магистрант Международно-правового института
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
САВЕНКО Оксана Евгеньевна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
Международного частного права имени
Г.К. Дмитриевой Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Lab.kmchp@msal.ru

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОЛЛИЗИОННЫЙ ЭФФЕКТ ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ТРАСТАХ: ОПЫТ ИТАЛИИ, НИДЕРЛАНДОВ И ШВЕЙЦАРИИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье исследуются правовые последствия ратификации Конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании 1985 года (далее – Конвенция) государствами континентальной правовой традиции. На примере итальянской конструкции *trust interno* показано, что механизм Конвенции, предназначенный для признания иностранных трастов, может быть обращён к национальному правопорядку государства, ратифицировавшего Конвенцию, и использован для создания трастоподобных конструкций, единственным иностранным элементом которых является избранное применимое право. Сравнительный анализ имплементации Конвенции в Нидерландах и Швейцарии показывает, что защита от возникновения внутренних трастов строится не на прямом законодательном запрете, отсутствующем во всех рассмотренных правопорядках, а на косвенных нормах материального права и доктрине континентально-правовой юрисдикции. Обосновывается вывод о том, что ратификация Конвенции сама по себе относит государство континентального права к категории риска возникновения внутренней трастовой практики; реализация же этого риска не предопределяется ратификацией, а зависит от особенностей взаимодействия конвенционных норм с национальным правом, что должно учитываться при оценке целесообразности присоединения к Конвенции, в том числе Российской Федерацией.

Ключевые слова: траст, Гагская конвенция 1985 года, *trust interno*, признание трастов, имплементация международного договора, международное частное право.

SHCHEDRIN Grigoriy Alekseevich,
Master's student, International Law Institute, Kutafin
Moscow State Law University (MSAL) Moscow,
Russian Federation

Academic Supervisor:
SAVENKO Oksana Evgenievna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate
Professor at the Department of International
Private Law named after G.K. Dmitrieva Kutafin
Moscow State Law University (MSAL) Moscow,
Russian Federation

THE ASYMMETRIC CONFLICT-OF-LAWS EFFECT OF THE HAGUE CONVENTION ON THE LAW APPLICABLE TO TRUSTS AND ON THEIR RECOGNITION: INSIGHTS FROM ITALY, THE NETHERLANDS AND SWITZERLAND FOR CIVIL LAW JURISDICTIONS

Annotation. *The article examines the legal consequences of the ratification of the 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition (hereinafter – the Convention) by states of the civil-law tradition. Drawing on the Italian construction of trust interno, the author demonstrates that the Convention's recognition mechanism may be turned towards the national legal order of the ratifying state itself and used to create trust-like arrangements whose sole foreign element is the chosen applicable law. A comparative analysis of the implementation of the Convention in the Netherlands and Switzerland shows that protection against the emergence of internal trusts rests not on an express statutory prohibition — which is absent in all the legal orders considered — but on indirect rules of substantive law and doctrinal positions. The author substantiates the conclusion that ratification of the Convention as such places a civil-law state in the risk category for the emergence of domestic trust practice; the materialisation of that risk, however, is not predetermined by ratification but depends on the specific interaction between the Convention's provisions and national law, which should be taken into account when assessing the expediency of accession to the Convention, including by the Russian Federation.*

Key words: *trust, 1985 Hague Convention, trust interno, recognition of trusts, implementation of an international treaty, private international law.*

Введение

Институт траста, сложившийся в системе общего права, на протяжении столетий оставался чуждым континентальной правовой традиции, построенной на единстве права собственности, принципе numerus clausus вещных прав и неделимости патримония. Континентальный правовой порядок не располагал ни концепцией расщеплённого титула, ни системой права справедливости, в рамках которой возникает фигура бенефициара траста. Тем не менее потребности трансграничного оборота потребовали выработки международно-правового механизма, позволяющего государствам признавать трасты, учреждённые по иностранному праву, даже при отсутствии данного института в собственной правовой системе.

Таким инструментом стала Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании, принятая в Гааге 1 июля 1985 года [1]. Италия стала первой крупной юрисдикцией романо-германской

традиции, ратифицировавшей Конвенцию без каких-либо оговорок [9, с. 2]. Этот шаг породил одну из наиболее острых коллизивно-правовых дискуссий в европейской цивилистике, поскольку незамедлительно обнажил системные противоречия между конвенционным механизмом признания и основополагающими принципами итальянского гражданского права.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ правовых последствий ратификации Конвенции государством континентального права, квалифицируемых автором как асимметричный эффект. Материалом для исследования служит итальянская конструкция trust interno, представляющая собой наиболее показательный пример такого эффекта.

1. Двухуровневая модель Гаагской конвенции

Коллизийная модель Конвенции (то есть механизм определения применимого права) по-

строена на двух уровнях. Первый уровень определяет выбор применимого права: согласно статье 6 траст регулируется правом, избранным учредителем прямо или подразумеваемо, а при отсутствии такого выбора, в силу статьи 7, применяется право, имеющее наиболее тесную связь с трастом [1]. Принципиально важно, что Конвенция не требует наличия объективной территориальной связи между трастом и избранным правом: учредитель свободен избрать право любого государства независимо от местонахождения активов, трастодержателя или бенефициаров.

Второй уровень составляет механизм признания. В соответствии со статьёй 11 траст, соответствующий применимому праву, признаётся во всех государствах-участниках, что влечёт обособление трастового имущества от личного имущества трастодержателя, недопустимость обращения на него взыскания личными кредиторами трастодержателя, а также иммунитет от включения в конкурсную и наследственную массу, а также в общее имущество доверительного собственника и его супруга [1]. Данный перечень составляет минимальный стандарт признания, который национальное право вправе расширять.

Именно сочетание двух элементов, а именно свободы выбора права без требования объективной связи и обязательного признания имущественного обособления, создало предпосылки для появления конструкций, вышедших за рамки того, что предвидели разработчики Конвенции [10, с. 412].

2. Феномен *trust interno*: обращение механизма вовнутрь

Ратификация Конвенции создала в Италии правовую базу для признания иностранных трастов. Однако итальянские практики воспользовались Конвенцией в обратном направлении: они начали создавать трасты, в которых учредитель, трастодержатель, бенефициары и имущество являются всецело итальянскими, но применимым правом избирается иностранное, как правило английское или право острова Джерси. Эта конструкция получила в доктрине наименование *trust interno* [6]. Единственной целью подобного выбора было достижение эффекта имущественной изоляции, недостижимого средствами итальянского права.

Наиболее последовательную критику данной практики высказал профессор Франческо Гаццони в серии публикаций в «*Rivista del notariato*». В работе «*Tentativo dell'impossibile*» он доказывал, что регистрация трастового имущества в итальянском реестре недвижимости принципиально невозможна, поскольку передача в пользу трастодержателя лишена каузы в смысле итальянского обязательственного права [7, с. 11].

В открытой статье «*In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato*» Гаццони квалифицировал *trust interno* как инструмент обхода норм о защите кредиторов [8, с. 1252]. По выражению части итальянской доктрины, вся конструкция представляла собой «юридического монстра» (*mostro giuridico*): применение иностранного права к сугубо внутренним отношениям без какого-либо иностранного элемента.

Вопреки доктринальной критике, траст постепенно проник в итальянский правопорядок через судебную практику. Переломным стало решение Трибунала Кальяри от 4 августа 2008 года, подтвердившее законность *trust interno autodichiarato* и допустившее регистрацию трастового имущества в реестре недвижимости [5]. Окончательно место траста закрепил принятый в 2016 году Закон № 112, прямо легализовавший имущественное обособление в рамках трастов для защиты лиц с тяжёлыми формами инвалидности. Граница между признанием иностранного института и его имплементацией во внутренний правопорядок оказалась стёрта накопленной судебной практикой, а не законодательным решением.

3. Асимметричный эффект и самонейтрализация статьи 13

Значение описанной ситуации выходит далеко за рамки итальянского внутреннего права, ратификация Конвенции произвела двойной коллизионный эффект. С одной стороны, она обязала Италию признавать иностранные трасты, обеспечивая имуществу в трастах стандарт правового признания, закреплённый в статье 11. С другой стороны, та же Конвенция теоретически обязала государства общего права признавать итальянские конструкции, в том числе в форме *trust interno*. Механизм Конвенции оказался симметричным, поскольку не проводит различия между трастами, учреждёнными в юрисдикциях общего права, и конструкциями, лишь формально им подчинёнными [14, с. 1685].

Вместе с тем статья 13 Конвенции предусматривает защитный механизм: государство вправе отказать в признании траста, все существенные элементы которого, кроме выбора применимого права, связаны со страной, не знающей данного института [1]. Однако применение этой нормы к итальянскому *trust interno* сопряжено с принципиальной сложностью. По мере того как итальянская судебная практика накапливала решения о признании *trust interno*, а законодатель прямо легализовал трастовое обособление имущества, Италия перестала быть страной, «не знающей» траста. Тем самым основание для отказа по статье 13 фактически исчезло в результате самого распространения *trust interno*.

В этом и состоит асимметричный эффект:

защитный механизм, призванный оградить континентальный правопорядок от злоупотребления свободой выбора права, самонейтрализуется по мере того, как соответствующая практика укореняется во внутреннем праве. Возникает устойчивая правовая неопределённость: конвенционный механизм обязывает признавать полноценным трастом конструкцию, единственная связь которой с избранным правопорядком состоит в самом выборе применимого права. Расщепление титула, конституирующее траст в системе права справедливости, обеспечивается в такой конструкции именно избранным иностранным правом, тогда как все прочие её элементы остаются сугубо внутренними, тем самым стирается граница между трастом, укоренённым в порождающей его правовой системе, и конструкцией, подчинённой этой системе лишь формально, ради достижения недостижимого по праву форума эффекта имущественного обособления [4].

4. Нидерландская модель: двухуровневая косвенная защита

Асимметричный эффект, проявившийся в Италии, не является неизбежным следствием ратификации Конвенции государством континентального права. Это доказывает опыт Нидерландов, государства той же романо-германской традиции, ратифицировавшего Конвенцию в 1995 году, всего через три года после Италии [13]. Несмотря на общность правовых систем, эффект Конвенции на нидерландское право оказался принципиально иным, чем на итальянское.

Показательно, что Нидерланды, в отличие от Италии, до настоящего времени вообще не ввели собственного внутреннего трастового права: законодатель неоднократно отказывался от создания «специфического нидерландского внутреннего трастового права», не находя для этого достаточных оснований [13, с. 269–270]. Вместе с тем, ратифицировав Конвенцию, нидерландский законодатель принял специальный закон о коллизионном праве трастов *Wet conflictenrecht trusts* (1995), впоследствии инкорпорированный в титул 10.11 «Trust law» (статьи 10:142–10:146) Книги 10 Гражданского кодекса Нидерландов. Этот закон устранил конкретные технические препятствия, которые в Италии остались неразрешёнными и стали предметом доктринальной критики. Статья 10:143 прямо разрешила трастодержателю регистрировать трастовое имущество на своё имя с указанием его статуса, благодаря чему сама регистрационная запись показывает третьим лицам трастовую природу имущества; тем самым была снята именно та проблема регистрации, на которую применительно к итальянскому *trust interno* указывал Гаццони. Статья 10:144, в свою очередь, установила, что нидерландские нормы о переходе права собственности, обеспечительных правах и

защите кредиторов при банкротстве не препятствуют наступлению последствий признания траста, предусмотренных статьёй 11 Конвенции.

Защита нидерландского правопорядка от возникновения внутренних псевдотрастов строится при этом на двух независимых рубежах. Первый рубеж действует на уровне вещного права и работает превентивно, ещё до какого-либо обращения к Конвенции. Запрет фидуциарной передачи (*fiduciaverbod*), закреплённый в статье 3:84(3) Гражданского кодекса Нидерландов, признаёт ничтожным правовой титул сделки, направленной на передачу имущества в обеспечительных целях либо не имеющей целью действительный переход имущества в имущественную массу приобретателя [13, с. 281–282]. Поскольку передача имущества трастодержателю по своей природе не преследует цели сделать его собственником для его личных нужд, попытка оформить между нидерландскими лицами чисто внутреннюю передачу по образцу *trust interno* столкнётся с ничтожностью самой вещно-правовой сделки независимо от избранного сторонами договорного права. Тем самым *fiduciaverbod* закрывает техническую возможность учреждения внутреннего псевдотраста ещё на этапе его создания, что подчёркивается нидерландской доктриной [11]. Дополнительным материально-правовым барьером служит защита обязательной доли наследников (*legitieme portie*), препятствующая использованию трастовых механизмов для обхода императивных норм наследственного права [13, с. 286–289].

Второй рубеж, статья 13 Конвенции, действует независимо от первого и на последующем этапе: он выступает резервным фильтром на случай, если конструкция всё же была создана и встал вопрос о признании порождаемых ею трастовых последствий. М.Э. Коппенол-Лафорс предложила ограничительное толкование этой нормы: отказ в признании оправдан лишь тогда, когда единственный трастодержатель имеет обычное место жительства в Нидерландах, а трастовое имущество также находится на нидерландской территории [12, с. 274]. Тем самым нидерландская доктрина заранее очертила чёткие пределы действия защитного механизма, тогда как в Италии его применение оказалось размыто накопленной практикой признания *trust interno*.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальное обстоятельство: нидерландское законодательство не содержит прямой нормы, запрещающей создание внутренних трастов или признание конструкций, все элементы которых связаны с Нидерландами. Оба рубежа защиты носят косвенный характер: первый вытекает из общего запрета фидуциарной передачи, второй опирается на факультативную норму Конвенции и её доктринальное толкование. Иными словами,

отсутствие в Нидерландах практики, аналогичной *trust interno*, обеспечивается не прямым законодательным запретом, а сочетанием косвенных материально-правовых барьеров и доктринальных позиций.

5. Швейцарская модель: избирательная защита через статью 15

Швейцарский опыт демонстрирует третий, ещё более гибкий вариант имплементации Конвенции, отличный как от итальянского, так и от нидерландского. Подобно Нидерландам, Швейцария не имеет и не имела собственного внутреннего трастового права; ратифицировав Конвенцию с вступлением в силу 1 июля 2007 года, она полностью полагается на признание иностранных трастов, не создавая швейцарского аналога [15].

Ключевое отличие швейцарской модели состоит в том, что защита от злоупотреблений строится не столько на статье 13 Конвенции, сколько на статье 15, сохраняющей действие императивных норм швейцарского права в отдельных областях независимо от факта признания траста в целом. К их числу относятся правила о защите обязательной доли наследников, права кредиторов при оспаривании сделок, правило *Lex Koller* о приобретении недвижимости иностранными лицами и императивные нормы семейного права при расторжении брака [15]. Тем самым швейцарский законодатель избрал не блокирование признания траста как такового, а точечную нейтрализацию отдельных его последствий, противоречащих конкретным императивным нормам форума.

Практическое применение этого механизма иллюстрирует решение Федерального верховного суда Швейцарии от 26 апреля 2012 года по делу *Rybolovlev v Rybolovleva*, одно из первых решений высшей судебной инстанции после ратификации Конвенции, рассматривавшее иностранные (кипрские) трасты в контексте швейцарского режима имущественных отношений супругов [16]. Суд не отказал в признании трастов на основании статьи 13: напротив, он счёл трасты действительными. Однако, применяя императивные нормы швейцарского права о режиме имущества супругов, суд заключил, что супруг являлся единоличным бенефициарным собственником трастового имущества либо лицом, сохраняющим над ним контроль. Тем самым кипрское трастовое право, которое по общему правилу должно было определять природу и объём интереса бенефициара, было по существу вытеснено швейцарским подходом к режиму имущественных отношений супругов [16].

Из этого следует принципиальный вывод: защита континентального правопорядка от злоупотребления трастовой формой не обязательно требует применения статьи 13 Конвенции. Швейцарская модель показывает, что предотвраще-

ние обхода императивных норм континентального права под видом иностранного траста возможно через избирательное применение статьи 15, при котором признаётся сам траст, но нейтрализуются его отдельные последствия, вступающие в противоречие с конкретными защищаемыми интересами (наследников, кредиторов, супруга). Существенно, однако, что швейцарское законодательство, как и нидерландское, не содержит прямой нормы, запрещающей конструкции, все элементы которых связаны со Швейцарией: статьи 149а–149е Закона о международном частном праве регулируют признание трастов и вопросы юрисдикции, но не устанавливают запрета внутренних трастов как таковых. Защита и здесь носит косвенный характер, опираясь на точечное действие императивных норм, а не на прямое законодательное исключение. Этим швейцарский подход отличается от нидерландского, делающего акцент на превентивных барьерах вещного права, и тем более от итальянского, где ни статья 13, ни системное применение статьи 15 не были задействованы в качестве последовательного защитного механизма.

6. Значение для государств континентального права

Итальянский опыт следует оценивать критически с позиций международного частного права. Конструкция *trust interno* имитирует функциональный эффект траста в части имущественной изоляции, заимствуя его правовую природу из избранного иностранного права при отсутствии какой-либо объективной связи с этим правопорядком, кроме самого выбора права. В доктрине она обоснованно характеризуется как «гибридный правовой продукт» (*ibrido giuridico*): попытка достичь результата, свойственного системе права справедливости, средствами континентального обязательственного права при отсутствии системных предпосылок.

Для Российской Федерации, не являющейся участницей Конвенции, сопоставление итальянского, нидерландского и швейцарского опыта имеет прямое практическое значение. Оно демонстрирует, что ратификация Конвенции не является нейтральным актом, ограниченным признанием иностранных трастов: в отсутствие продуманной модели имплементации она способна породить внутреннюю трастовую практику, подрывающую принцип единства собственности.

Принципиально важно при этом следующее наблюдение. Ни один из трёх рассмотренных правопорядков не содержит прямой законодательной нормы, запрещающей создание внутренних трастов, то есть конструкций, все существенные элементы которых связаны с данным государством, за исключением избранного применимого права. Италия ограничилась фактом ратифика-

ции, и внутренняя практика *trust interno* была легализована судами. Нидерланды опираются на косвенные барьеры вещного права (*fiduciaverbod*) и на доктринальное толкование статьи 13, судебной практикой не проверенное. Швейцария полагается на избирательное действие императивных норм через статью 15 Конвенции. Во всех трёх случаях защита от внутренних псевдотрастов держится на косвенных нормах и толкованиях, а не на прямом запрете. Итальянский опыт показывает, что именно такая опора уязвима: судебная практика способна последовательно обойти косвенные механизмы и де-факто ввести внутренний траст.

Из этого следует систематический вывод: ратификация Конвенции сама по себе относит государство континентального права к категории риска возникновения внутренней трастовой практики. Конвенционный механизм признания в сочетании со свободой выбора применимого права создаёт постоянно действующую возможность конструирования псевдотрастов, а отсутствие прямых законодательных запретов оставляет судьбу этой возможности на усмотрение судебной практики каждой конкретной юрисдикции. Нидерландская и швейцарская модели снижают этот риск, повышая порог, который практике пришлось бы преодолеть, однако юридически не устраняют его.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать вывод о существовании риска асимметричного коллизионного эффекта Гаагской конвенции 1985 года. Этот эффект состоит в том, что механизм признания, предназначенный для иностранных трастов, может быть обращён вовнутрь континентального правопорядка, а защитная норма статьи 13 утрачивает действенность по мере легализации внутренней трастовой практики. Сопоставление итальянского, нидерландского и швейцарского опыта показывает, что ни один из рассмотренных правопорядков не установил прямого законодательного запрета внутренних трастов: защита повсеместно строится на косвенных нормах материального права, факультативных положениях Конвенции и доктринальных толкованиях. Именно поэтому ратификация Конвенции государством континентального права сама по себе помещает национальный правопорядок континентального права в категорию риска возникновения внутренней трастовой практики. Различие между Италией, с одной стороны, и Нидерландами и Швейцарией, с другой, состоит лишь в высоте барьеров, которые такая практика должна преодолеть. Поскольку ни один из рассмотренных правопорядков не устанавливает прямого законодательного запрета, а защита везде носит косвенный характер, сама возможность

появления такой практики нигде не исключена полностью. Данное обстоятельство должно учитываться при решении вопроса о ратификации Конвенции иными государствами континентального права, включая Российскую Федерацию.

Список литературы:

- [1] Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании (Гаага, 1 июля 1985 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 05.03.2026).
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [3] Канашевский В.А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63–67.
- [4] Паничкин В.Б. Англо-американское трастовое право : монография. М. : Проспект, 2022. 320 с.
- [5] Tribunale di Cagliari. 04 agosto 2008 // *Trusts e attività fiduciarie*. 2009.
- [6] Braun A. Italy: The Trust Interno // *Trusts in Mixed Legal Systems* / ed. by R. Atherton. Cambridge : Intersentia, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2002783 (дата обращения: 15.03.2026).
- [7] Gazzoni F. Tentativo dell'impossibile (osservazioni di un giurista «non vivente» su trust e trascrizione) // *Rivista del notariato*. 2001. P. 11–35.
- [8] Gazzoni F. In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato (lettera aperta a Maurizio Lupoi sul trust e su altre bagattelle) // *Rivista del notariato*. 2001. P. 1247–1268.
- [9] Gazzoni F. Il cammello, il leone, il fanciullo e la trascrizione del trust // *Rivista del notariato*. 2002. P. 1107–1130.
- [10] Hayton D. *The International Trust*. 4th ed. Bristol : Jordans, 2018. 720 p.
- [11] Aertsen D.W. *De trust. Beschouwingen over invoering van de trust in het Nederlandse recht*. Deventer : Kluwer, 2004. 360 p.
- [12] Koppenol-Laforce M.E. *Het Haagse Trustverdrag* : diss. Deventer : Kluwer, 1997. 329 p. (Serie Recht en Praktijk, Vol. 101). (Summary. P. 269–277).
- [13] Filesia K.R. Speaking the same language: de invoering van de Anglo-Amerikaanse trust in het Nederlandse recht. Deventer : Wolters Kluwer, 2023. (Meijers-reeks). [Электронный ресурс]. URL: <https://hdl.handle.net/1887/3643074> (дата обращения: 20.03.2026).
- [14] Dicey, Morris & Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London : Sweet & Maxwell, 2022. 2400 p.
- [15] Recognition of Foreign Trusts in

Switzerland under the Hague Convention: Legal, Tax & Practical Guide. [Электронный ресурс]. URL: <https://foundation-switzerland.com/hague-convention-foreign-trusts-recognition-switzerland/> (дата обращения: 25.03.2026).

[16] Tribunal fédéral suisse. Arrêt du 26 avril 2012 (Rybolovlev v Rybolovleva) // Trusts & Trustees. 2012. Vol. 18. Iss. 8. P. 746.

References:

[1] Convention on the Law Applicable to Trusts and their Recognition (The Hague, 1 July 1985). [Electronic resource]. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.

[3] Kanashevsky V.A. On the law applicable to offshore trusts and their recognition // Law. 2013. № 4. S. 63-67.

[4] Panichkin V.B. Anglo-American Trust Law: Monograph. M.: Prospect, 2022. 320 s.

[5] Tribunale di Cagliari. 04 agosto 2008 // Trusts e attività fiduciarie. 2009.

[6] Braun A. Italy: The Trust Interno // Trusts in Mixed Legal Systems / ed. by R. Atherton. Cambridge : Intersentia, 2012. [Electronic resource]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2002783 (access date: 15.03.2026).

[7] Gazzoni F. Tentativo dell'impossibile (osservazioni di un giurista «non vivente» su trust e trascrizione) // Rivista del notariato. 2001. P. 11-35.

[8] Gazzoni F. In Italia tutto è permesso, anche quel che è vietato (lettera aperta a Maurizio Lupoi sul trust e su altre bagattelle) // Rivista del notariato. 2001. P. 1247-1268.

[9] Gazzoni F. Il cammello, il leone, il fanciullo e la trascrizione del trust // Rivista del notariato. 2002. P. 1107-1130.

[10] Hayton D. The International Trust. 4th ed. Bristol : Jordans, 2018. 720 p.

[11] Aertsen D.W. De trust. Beschouwingen over invoering van de trust in het Nederlandse recht. Deventer : Kluwer, 2004. 360 p.

[12] Koppenol-Laforce M.E. Het Haagse Trustverdrag : diss. Deventer : Kluwer, 1997. 329 p. (Serie Recht en Praktijk, Vol. 101). (Summary. P. 269-277).

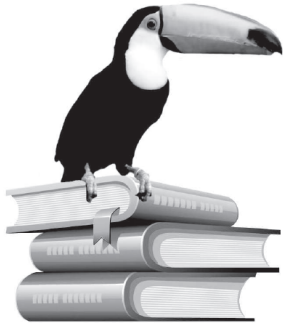
[13] Filesia K.R. Speaking the same language: de invoering van de Anglo-Amerikaanse trust in het Nederlandse recht. Deventer : Wolters Kluwer, 2023. (Meijers-reeks). [Electronic resource]. URL: <https://hdl.handle.net/1887/3643074> (access date: 20.03.2026).

[14] Dicey, Morris & Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London : Sweet & Maxwell, 2022. 2400 p.

[15] Recognition of Foreign Trusts in Switzerland under the Hague Convention: Legal, Tax & Practical Guide. [Electronic resource]. URL: <https://foundation-switzerland.com/hague-convention-foreign-trusts-recognition-switzerland/> (дата обращения: 25.03.2026).

[16] Tribunal fédéral suisse. Arrêt du 26 avril 2012 (Rybolovlev v Rybolovleva) // Trusts & Trustees. 2012. Vol. 18. Iss. 8. P. 746.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru